

Спектакли периферийных театров

Итак, три театра, три участника областного смотра периферийных театров показали нам свое искусство. В течение 5 дней воронежский зритель знакомился со спектаклями Липецкого, Борисоглебского и Острогожского театров.

Наш Областной театр драмы выступает со своими спектаклями в Москве, районные театры приезжают в Воронеж. Эти поездки вливают новые творческие силы в работников, они заставляют каждого о многом задуматься, многое пересмотреть.

Благодаря тому, что в Воронеж приехало сразу три театра, проделана очень большая и интересная работа. Актеры периферии познакомились с областными театрами, побывали на отдельных спектаклях друг у друга, прослушали лекции, организованные для них Воронежским отделением Всероссийского театрального общества.

Нам не удалось посмотреть все привезенное в Воронеж. Ведь в течение пяти дней было показано 11 спектаклей. Естественно, что по одной или двум премьерам трудно судить о театре в целом, делать какие-то обобщающие выводы. Но и каждый отдельно взятый спектакль все же дает известный материал для суждения о судьбах того или иного театра, о его возможностях, наконец, о явлениях, которые могут быть названы типичными, в которых проявляется нечто общее.

Таким общим для всех театров является стремление к постановке полноценных драматургических произведений. Театры привезли пьесы Горького и Островского, пьесы современных драматургов Вишневского, Погодина, Арбузова. Но дело не

только в том, что ставят сейчас театры, важно то, как они ставят.

Большой интерес в этом смысле представляют горьковские спектакли: «На дне» в Липецком театре и «Егор Булычев» в Борисоглебском колхозно-совхозном театре. Общим для этих спектаклей, принципиальным, является то, что в них театры показали свое умение работать над такой драматургией, которая требует от художников сцены исключительной правдивости, глубины, простоты.

«На дне» поставлено режиссером М. С. Селяниным. В Липецком театре смотришь «На дне» с тем волнением, которое рождается от новизны ощущений. В спектакле есть свое, творческое, и это привлекает. В пьесе, показывающей человеческое несчастье, страдание, — много оптимизма, веры в жизнь. Это передано с большой силой и театром. Образы Сатина — арт. Сенский, Актера — арт. Селянин, Бубнова — арт. Войтецкий, Клеша — арт. Степанов — лучшее в спектакле. Исполнители этих ролей прекрасно чувствуют сочное, умное горьковское слово, оно благодаря им звучит в спектакле, его впитываешь в себя, им наслаждаешься. Тем досаднее, что роль Луки, имеющая в пьесе исключительное значение, — не понята актером Кречетовым. В ошибке актера, упростившего этот сложный образ, повинна и режиссура.

Лука выглядит в спектакле мелким пройдохой. Он лишен внутренней глубины, многогранности. И здесь следует сказать о том, что в постановках наших периферийных театров оказывается часто не все до конца продуманным, уясненным.

«На дне» — интересный, но не ровный спектакль. Пример с Лукой достаточно красноречиво говорит об этом.

Другой горьковский спектакль — «Егор Булычев», поставленный П. Н. Трапезниковым, может сделать честь любому колхозно-совхозному театру. Это добротная работа — честная, взволнованная. Сам Трапезников превосходно играет центральный образ пьесы. Он доносит силу горьковской мысли, в его Булычеве много жадности к жизни и очень сильна тоска от сознания того, что все годы прожиты «не на той улице». И если актер будет меньше подчеркивать физические страдания своего героя, образ станет еще выразительнее и острее.

В «Егоре Булычеве» так же, как и в «На дне», очень сильно чувство горьковского оптимизма. На сцене мы видим страдание человека, разрушение, смерть, но спектакль не оставляет в нас чувства уныния, обреченности. Такова сила воздействия горьковского оптимизма, всегда выражающего собой философию борьбы. Борисоглебцы поняли это. Так же как и в Липецком спектакле, в «Егоре Булычеве» есть этот оптимизм.

Помимо Трапезникова хорошо играют и создают запоминающиеся образы — арт. Кирова — Шура, арт. Введенская — Глафира. Однако, ряд ролей — Достигаева, Меланья, Павлина, Звонкова — сыгран очень мелко. И в этом — беда спектакля, верно задуманного, во многом интересного, но опять-таки неровного.

И проистекает эта неровность не только оттого, что отдельные роли не находят себе исполнителей. Липецкий театр, существующий 8 лет, имеет в своем коллективе актеров самых разнообразных уровней, ему под силу почти любая пьеса. Борисоглебский театр, работающий 5 лет, нуждается, правда, в известном пополнении, но и сейчас он располагает рядом опытных, способных актеров. Самое главное, следовательно, заключается в том,

что в спектаклях периферийных так же, как иногда и более крупных театров, еще слишком мало замысла, больших мыслей, обобщений. Оттого в одной и той же постановке мы видим образы жизненные и полнокровные, а рядом — худосочные и немощные. Горьковские спектакли, показанные на смотре, отчасти страдают этими недостатками.

Менее благоприятное впечатление оставили два других спектакля — «Мечта» М. Волопянова в Липецком театре и «Шел солдат с фронта» — Катаева в Борисоглебском. Липецкий театр (режиссер Селянин) с большой радостью включил в репертуар пьесу своего знатного земляка, но серьезнейших ее недостатков преодолеть не сумел. Борисоглебский театр поверхностно поставил испенировку катаевской повести «Шел солдат с фронта». Спектакль (режиссер Трапезников) в отдельных сценах смотрится очень хорошо, но в целом он не убеждает, и не убеждает, прежде всего, потому, что центральный образ пьесы Семен Котко не раскрыт арт. Коньковский, которому, как нам кажется, эта роль вообще мало подходит.

Солдат Семен Котко — участник мировой войны, по возвращении с фронта зашкпашенный в рядах бойцов революционной Украины, свек советскую власть от нашествия германских интервентов — обязательнейший образ. Арт. Коньковский заслужил его. Театр обнаружил свою слабость и в массовых сценах, которые играют большую роль в этом спектакле,